

цессионеры в значительной степени оказывались заложниками «доброй воли» высшего руководства страны. Пока руководители советского государства (в первую очередь, В. И. Ленин) проявляли очевидную заинтересованность в создании концессионных предприятий, концессии получали достаточно благоприятные условия для своего развития. Однако усиление в высших эшелонах власти изоляционистских и централизаторских тенденций неизбежно отражалось на положении концессионных предприятий: их позиции оказывались крайне уязвимыми, следствием чего становилось общее ухудшение условий хозяйствования и, в конечном счете, ликвидация самих концессий.

¹ Цит. по: Тимошенко В. П. Урал в мирохозяйственных связях 1917—1941 гг. Свердловск, 1991. С. 20.

² См.: Документы внешней политики СССР. Т. 4. М., 1960. С. 185.

³ Цит. по: Матушкин П. Г. Урало-Кузбасс: Борьба коммунистической партии за создание второй угольно-металлургической базы СССР. Челябинск, 1966. С. 105.

⁴ Хаммер А. Мой век — двадцатый: Пути и встречи. М., 1987. С. 78.

⁵ См.: Тимошенко В. П. Указ. соч. С. 63.

⁶ См.: ГАСО (Государственный архив Свердловской области), ф. Р-247, оп. 1, д. 10, л. 36.

С. А. Потапов

Стратегическое мышление У. Черчилля и британская «периферийная стратегия» во Второй мировой войне

Уинстон Черчилль всегда интересовался военными вопросами и изучал военную историю. Согласимся с историком Д. Яблонски: «Историческое восприятие событий определяло моральную и интеллектуальную вселенную будущего премьер-министра»¹. И это «чувство истории» базировалось на основополагающей идее: все мировое пространство рассматривалось как основа для создания

и укрепления *Rex Britannica*. С юных лет он впитывал в себя традиции британской дипломатической и военной политики, которые определили его стратегическое мышление на всю жизнь.

Первая мировая война вроде бы давала У. Черчиллю шанс в полной мере проявить свои способности как военного лидера. Но его энергия, фантазия и порыв, его вера в импровизацию очень быстро перестали соответствовать конкретике вооруженной борьбы и настрою мыслей тогдашних политиков и стратегов Великобритании. Главные инициативы У. Черчилля на постах первого лорда Адмиралтейства (печально известная Дарданелльская операция, провал которой традиционно, но не во всем справедливо связывается с его именем) и министра военного снабжения (поддержка развития авиации и создания танков: многие именно У. Черчилля считают главным инициатором создания британских ВВС и «наземных кораблей») достаточно ясно говорят о неприятии им «стратегии истощения» противника в мясорубках напоподобие Соммы и Пашендейля и стремлении найти новые пути преодоления кризиса стратегии Антанты. Многолетний и кровавый «позиционный тупик» показал ограниченность того направления стратегической мысли, которое европейцы развивали уже несколько столетий и называли «классическим». Для У. Черчилля, как впрочем и для некоторых других ведущих британских политиков, это стало очевидным уже к концу первой военной кампании.

Победа в войне для Британской империи была, по мнению У. Черчилля, «куплена столь дорогой ценой, что неотличима от поражения»². Не была достигнута, если взять за основу определение Б. Лиддел Гарта, главная цель войны — добиться лучшего с британской точки зрения состояния послевоенного мира. Многие военные теоретики главную причину такого неутешительного итога видели в отходе Британии от традиционной «морской стратегии», когда была создана массовая сухопутная армия для действий на континенте, с неизбежными в таком случае большими людскими жертвами и в полном противоречии с предвоенными ожиданиями англичан. В британском обществе выработалось стойкое психологическое неприятие повторения кровопролитных битв 1914—1918 гг.

После войны, когда в британской военной науке происходит процесс критического переосмысления военного опыта, постепенно начинается преодоление разрыва между взглядами У. Черчилля и принципами официальной военной доктрины Великобритании. Стало ясно, что та же идея Дарданелльской операции была гораздо ближе к традициям британской «морской стратегии», чем опыт войны на Западном фронте. Она полностью согласовывалась с основными положениями концепции «непрямых действий», разработанной крупнейшим британским военным теоретиком и историком Бэзилем Лиддел Гартом: сосредоточение сил прежде всего против наиболее слабого противника, отказ от лобовых решающих ударов на главном направлении до тех пор, пока моральное разложение врага и его материальное ослабление (за счет блокады, воздушных ударов, краха союзников и других «непрямых» средств) не создаст для этого благоприятных условий, не вызовет «нарушение устойчивости противника». Только за счет этого можно свести боевые действия, а значит и потери, «по возможности до минимума»³. Неудивительно, что, по мнению Б. Лиддел Гарта, «ошибка была не в самой идее Дарданелльской операции, а в способе проведения ее в жизнь»⁴.

Постоянный интерес, проявляемый У. Черчиллем к военной науке, давал ему возможность не отрываться от тенденций эволюции военного искусства и в межвоенный период. У. Черчилль был лично знаком со многими британскими военными аналитиками (часто общаясь в 20—30-е гг., в частности, с Б. Лиддел Гартом) и искренне поддерживал их идеи, схожесть которых с его собственными оценками опыта войны, главный лейтмотив которых заключался в необходимости исключить повторение кровопролитных позиционных сражений, была очевидна⁵. Он был убежденным сторонником развития ВВС и в своих выступлениях постоянно подчеркивал революционное воздействие авиации на принципы ведения войны и на геополитическое положение Великобритании⁶. Это не означало исчезновения того очевидного для У. Черчилля факта, что «на протяжении всей нашей (Великобритании. — С. П.) истории жизнеобеспечение и безопасность нашего населения зависели от военно-морского флота»⁷. Еще в конце Первой мировой войны он выступал за массированное применение танков, а в 20-е гг.

не раз бывал на маневрах первых в мире английских бронетанковых соединений. Однако и У. Черчилль, по его собственному признанию, не смог до конца понять, какой переворот в военном деле произвело их появление⁸. Но в любом случае он ратовал за «войну вооружений», призывал заменить людей машинами.

В целом У. Черчилль рассчитывал на восстановление и укрепление влияния Британской империи по итогам казавшейся ему неминуемой новой войны, для чего было необходимо критически переосмыслить опыт 1914—1918 гг. и на современной основе вернуться к традициям «морской стратегии». Он несомненно более реалистично, чем британское руководство оценивал военно-политическую ситуацию. Но и У. Черчилль считал, что потенциально-го противника (Германию и, вероятно, Италию) на суше должны разбить союзные армии при поддержке британцев с моря, воздуха и небольшим экспедиционным корпусом. Способность Франции в случае необходимости успешно воевать с немцами была, по мнению Лондона, целиком им разделяемому, главным условием для возможности проведения такой традиционной «морской стратегии». И в этой способности никто на Туманном Альбионе не сомневался⁹.

Однако У. Черчилль не принял «политику умиротворения» в качестве доминанты отношений Англии и Германии, хотя и не мог серьезно влиять на курс правительства. Он считал, что Мюнхенское соглашение бесчестно. Более того, потенциально угрожая имперским интересам Лондона, оно было полным и абсолютным «поражением без войны», которое серьезно нарушило неустойчивое равновесие в Европе¹⁰.

В результате У. Черчилль расходится с оценкой правительством значимости СССР для сдерживания стран-агрессоров. Не отказываясь от своих антисоветских убеждений, с точки зрения большой стратегии он был убежден в необходимости возрождения «великого союза» с Москвой. Да, Франция способна стать главной «континентальной шпагой», но «без действенного восточного фронта невозможно удовлетворительно защитить наши интересы, а без России он невозможен»¹¹.

Оценка У. Черчиллем значения англо-американских отношений была осторожной. Для него Америка была продолжением семьи

«англо-говорящих народов», в то время как Н. Чемберлен, например, предпочитал считать США главным конкурентом Британии¹². Однако и У. Черчилль не мог не учитывать тот факт, что влияние изоляционизма резко ограничивало возможности президента Ф. Рузвельта в политико-стратегической сфере. В результате он был в числе многих британских политиков, кто выступал за сохранение дистанции в отношениях с Америкой, тем более что необходимость нового вмешательства из-за океана для восстановления «равновесия сил», по мнению британских стратегов, исключалась балансом сил в Европе¹³.

Быстрый разгром Франции в мае — июне 1940 г. резко изменил геополитическую ситуацию в Европе и во всем мире, поставив Великобританию на грань катастрофы. Была утрачена основа британской военной доктрины 30-х гг. Впервые со времен Наполеона возникла видимая угроза вторжения противника на Британские острова, возросла уязвимость жизненно важных океанских коммуникаций, немцы получили благоприятные условия для начала воздушного наступления. Под вопрос была поставлена дальнейшая судьба империи, поскольку Лондон не мог гарантировать оборону важнейших имперских позиций на сколько-нибудь приемлемом уровне и сохранить преобладающее политическое влияние в доминионах. Для Великобритании уже практически не было таких вариантов развития ситуации, когда она смогла бы в полном объеме сохранить свои предвоенные позиции после войны.

Но к концу лета надежды на то, что Великобритания сможет это сделать и продолжить борьбу, стали обретать реальные очертания. Это позволило 4 сентября 1940 г. британскому Комитету начальников штабов (КНШ) представить военному кабинету доклад «Будущая стратегия», выводы которого, хотя и корректировались по ходу событий, оставались действующими не только до 22 июня 1941 г., но и после него. Этот меморандум содержал совершенно правомерный вывод: «Мы исходим из того, что любая попытка противника вторгнуться в нашу страну потерпит неудачу». Иное дело — прогноз британского руководства о сроках достижения конечной цели в войне — разгрома Германии. Ставя общую цель для британских вооруженных сил «перейти в генеральное наступление во всех сферах и на всех театрах весной 1942 г.»,

Лондон оказался в плену слишком оптимистических представлений о ходе войны¹⁴.

Сухопутные операции предусматривались только в форме «контрударов для восстановления ситуации», т. е. в поддержку сохранения блокады противника. Подчеркивалось, что «в нашу политику не входит намерение высадиться на континент Европы армией, сравнимой по размерам с германской», только после истощения противника может вестись речь о высадке «ударных сил» для решающего наступления¹⁵. Для У. Черчилля и других британских стратегов аксиомой являлось мнение о том, что бороться с немцами на континенте нецелесообразно, так как возможны другие способы разгрома Германии, гораздо более приемлемые, и в целом, если учесть соотношение людских и материальных ресурсов двух стран, эта цель недостижима.

В перечне факторов воздействия на противника первое место было отдано блокаде Германии как наиболее достижимой форме противоборства. Воздушное наступление рассматривалось как «вспомогательное». Нужно отметить заметную разницу в оценках КНШ и У. Черчилля. Премьер-министр 3 сентября в меморандуме кабинету выразил некоторые сомнения в эффективности блокады, которую «ослабили успехи немцев», и «только бомбардировки позволят одержать победу»¹⁶. В качестве еще одного способа наступательных действий в докладе указывались подрывная деятельность, пропаганда и поддержка движения Сопротивления в оккупированных странах. Нужно также отменить изменение в перечне приоритетов большой стратегии Лондона. На первом месте оставалась оборона Великобритании и обеспечение коммуникаций. На второе встала защита британских позиций в районе Ближнего Востока — Средиземноморья, опередив безопасность Сингапура и Малайи¹⁷.

В целом те принципы ведения войны, которые были изложены в меморандуме 4 сентября 1940 г., соответствовали традициям «периферийной стратегии» или, используя терминологию Б. Лиддел Гарта, принципам «стратегии непрямых действий». Предлагая истощением противника создать предпосылки для наступления в 1942 г., У. Черчилль, как показали дальнейшие события, переоценил возможности Британии и недооценил потенциал против-

ника. При этом британское руководство не смущало не только отсутствие «континентальной шпаги», но и собственные весьма пессимистические прогнозы относительно действий Америки¹⁸.

Однако к лету 1941 г. эффективность избранной стратегии даже У. Черчиллем стала ставиться под сомнение. Избранные методы достижения победы поблекли после соприкосновения с реальностью. Нужно было вновь поставить британскую стратегию на реалистичную основу: найти союзников, которые оказались бы способны восстановить равновесие сил. Но по оценкам Лондона, даже вступление США в войну из-за трудностей мобилизации и транспортировки ресурсов Америки через океан в течение значительного периода времени будет мало отражаться на развитии ситуации в Европе¹⁹. В результате британская стратегия вновь свелась к выжиданию развития событий и к ограниченной войне «на периферии» с целью подготовки предпосылок для возвращения на континент.

Несмотря на осознание У. Черчиллем необходимости изменения некоторых принципов доклада «Будущая стратегия» он не видел им альтернативы даже после 22 июня 1941 г. В конечном счете для него было не так уж важно, где проходит линия советско-германского фронта, главное, чтобы «русские сумели продержаться хотя бы до зимы»²⁰. И если они будут сражаться, то за собственное выживание, помощь им можно ограничить моральной поддержкой и военными поставками. Осенью 1941 г. главной задачей Британии У. Черчилль считал не поддержку СССР и вообще какие-либо крупномасштабные наступательные операции, а улучшение стратегических позиций страны в расчете на длительную войну на истощение.

Готовясь к встрече с Ф. Рузвельтом в декабре 1941 г., У. Черчилль в трех взаимосвязанных документах отразил свое видение перспектив на 1942—1943 гг., базировавшееся по-прежнему на традициях «периферийной стратегии». В 1942 г. он считал необходимым завершить создание североафриканского плацдарма для удара в «мягкое подбрюшье» стран «оси», не мешая американцам на Тихом океане при условии признания принципа «Европа — сначала» как базового для стратегии союзников. В 1943 г. планировалось

нанести «решающий удар» по ослабленному операциями на периферии, блокадой, бомбардировками, восстаниями противнику. Более того, У. Черчилль выражал надежды на ненужность даже ограниченной сухопутной кампании в результате «внутреннего краха» Германии. Единственное, но очень важное добавление к стратегии 1940 г. — признание важности русского фронта.

Обращает на себя внимание очевидная, несмотря на всю нешаблонность его идей и действий, консервативность стратегического мышления У. Черчилля: сформулированные к осени 1940 г. основы «периферийной стратегии» оставались в целом неизменными и в 1942 г. Премьер-министр не отходил от ряда ключевых, по его мнению, принципов: необходимости экономии людей и ресурсов, приоритетности (в допустимых пределах) политических целей над соображениями военной целесообразности, жизненно важного значения заокеанской поддержки, ключевой роли «битвы за Атлантику» для боеспособности Великобритании, Средиземноморья — для сохранения имперских позиций и осуществления блокады и бомбардировок — в качестве средств активного воздействия на противника²¹.

Для У. Черчилля не было сомнений в том, что Великобритания, даже привлекая ресурсы своей империи, неспособна создать сухопутные силы, сопоставимые с силами Германии. По мнению У. Черчилля, следовало сосредоточить усилия на создании небольшой, но боеспособной мобильной армии. Ее роль сводилась к обороне метрополии и важнейших имперских позиций, операциям «на периферии» и подготовке небольших ударных десантных войск для действий на континенте — в качестве объединяющего элемента сил движения Сопротивления. В конечном счете и к концу 1942 г. определяющая роль ВМС и ВВС в структуре британских вооруженных сил была неоспорима²². Сам выбор «периферийной стратегии» определял воздушно-морские акценты военных усилий Великобритании и распределение ее людских и материальных ресурсов. В то же время нельзя не согласиться с У. Черчиллем в том, что ограниченные возможности британской военной экономики сами были одним из главных доказательств необходимости экономного способа ведения боевых действий. Уже в 1942 г. в сфере мобилизации людских ресурсов и экономики на нужды войны

Великобритания, согласно разработанным планам, достигла максимально возможного уровня²³.

Решения, принятые в Тегеране и Каире, положили конец длительным спорам о проблеме «второго фронта». Средиземноморская стратегия, любимое детище У. Черчилля и в 1943 г., окончательно уступила место трансламаншской стратегии. Премьер-министр сделал вновь все возможное для сохранения позиций Британской империи, интересы которой по традиции требовали политики балансирования между двумя новыми центрами силы — США и СССР. Но эти возможности оказались весьма ограничены.

После У. Черчилль пытался убедить Вашингтон в необходимости «новой периферийной стратегии» (она нацеливалась на сдерживание распространения влияния Москвы на Балканы), отстаивая перед Ф. Рузвельтом необходимость десанта в Истрию и Триест²⁴. Но при этом несмотря на весь свой безусловный антикоммунизм и неприятие распространения советского влияния он отнюдь не исключал возможности договориться с И. Сталиным на основе привычного способа «раздела сфер влияния». Действия в Германии и других оккупированных странах предусматривали не открытую конфронтацию с СССР, а создание прочной базы для последующих переговоров с И. Сталиным с позиции силы²⁵. Политическая стратегия У. Черчилля развивалась в 1943—1945 гг. в рамках концепции «равновесия сил», то есть, как это и требовала британская традиционная военно-политическая стратегия, недопущения преобладания какой-либо одной державы, в данном случае СССР, в Европе.

Таким образом, нет сомнений в том, что «периферийная стратегия» являлась особенностью британской военной теории и практики, которой в результате своего восприятия исторического опыта Британии глубоко проникся У. Черчилль. Эта приверженность объяснялась прежде всего объективными, а не субъективными факторами: стремлением минимизировать людские и материальные потери, желанием использовать свое морское и экономическое превосходство, пониманием ограниченности британских ресурсов, боязнью потерять все в одной операции. Иными словами, это была глубоко прагматическая стратегия (и вопреки расхожему мнению вовсе не идеологическая). Основная идея У. Черчилля

и всего британского руководства заключалась в следующем: дожидаться благоприятного момента и только после этого нанести последний удар в виде высадки десанта на континент.

С точки зрения восприятия войны и понимания союзнического долга в нашей стране это нельзя оценить по-иному, как циничное и эгоистическое использование собственного выгодного геополитического положения для перекладывания тяжести войны на плечи других. Но нельзя забывать того, что патриотизм, причем имперский патриотизм, всегда являлся доминантой действий британского премьер-министра. Он служил Англии так, как должен служить каждый политик, отдавая все свои силы и умение, с трепетной страстью к национальной истории и традициям. Это означало и то, что интересы других государств, личные или коллективные суждения, общественные настроения, если они шли, по его мнению, во вред Британской империи, должны быть преодолены или проигнорированы. В результате военно-стратегические идеи и решения британского лидера часто отставали от динамики мировой борьбы, слишком тесно они были связаны с сугубо европейскими и имперскими интересами Лондона.

В целом стратегическое мышление У. Черчилля развивалось в русле господствовавших в британской военной науке тенденций. Как незаурядная личность и яркий политик, интересовавшийся военными вопросами, он нередко имел нестандартное мнение о различных аспектах военного дела. Однако он никогда не был революционно настроен по отношению к традиционным принципам британской военной доктрины, основанной на «периферийной стратегии», хотя многие и критики, и поклонники рассматривали его именно в этом качестве.

¹ *Jablonsky D.* Churchill, the Great Game and Total War. L., 1991. P. 85.

² *Черчилль У.* Мировой кризис. М.; Л., 1932. С. 20—21.

³ *Лиддел Гарт Б.* Стратегия непрямых действий. М.; СПб., 1999. С. 371—373.

⁴ Там же. С. 214.

⁵ См.: *Lewin R.* Churchill as Warlord. N. Y., 1973. P. 51—53.

⁶ См.: *Gilbert M.* Winston Spenser Churchill. Vol. 6. L., 1983. P. 187.

⁷ *Черчилль У.* Мировой кризис... С. 466.

⁸ См.: *Churchill W. S.* Second World War. Vol. 1. L.; Boston, 1948. P. 139.

- ⁹ См.: *Лиддел Гарт Б.* Вторая мировая война. М.; СПб, 1999. С. 36—37.
- ¹⁰ См.: *Черчилль У.* Вторая мировая война. Кн. 1. М., 1991. С. 148—149.
- ¹¹ *Edmonds R.* The Big Three: Churchill, Roosevelt and Stalin in Peace and War. L., 1991. P. 50—56.
- ¹² См.: *Gilbert M.* Op. cit. P. 187.
- ¹³ См.: *Edmonds R.* Op. cit. P. 195.
- ¹⁴ PRO (Public Record Office). War Cabinet Papers. CAB 80/17, COS (40)683. P. 4.
- ¹⁵ *Ibid.* P. 51.
- ¹⁶ *Батлер Д., Гуайер Д.* Большая стратегия: Июнь 1941 — август 1942 г. М., 1967. С. 50—57.
- ¹⁷ См.: PRO. War Cabinet Papers. CAB 80/17, COS (40)683. P. 5.
- ¹⁸ См.: *Ibid.* P. 13.
- ¹⁹ См.: *Батлер Д., Гуайер Д.* Указ. соч. С. 35—36, 50—57; *Eden A.* The Memoirs. The Reckoning. L., 1965. P. 267—270.
- ²⁰ *Gilbert M.* Op. cit. P. 556—557; *Ismay H. L.* The Memoirs of General Lord Ismay. L., 1960. P. 548.
- ²¹ См.: *Черчилль У.* Вторая мировая война. Кн. 2. С. 295—301; *Батлер Д., Гуайер Д.* Указ. соч. С. 248—256.
- ²² См.: *Батлер Дж.* Большая стратегия: Сентябрь 1939 — июнь 1941 г. М., 1959. С. 210, 247.
- ²³ См.: *Говард М.* Большая стратегия: Август 1942 — сентябрь 1943 г. М., 1980. С. 15—16.
- ²⁴ См.: *Churchill W. S.* Second World War. Vol. 5. P. 57—67.
- ²⁵ См.: *Черчилль У.* Вторая мировая война. Кн. 3. С. 574—575.

Н. А. Кручинина

Политическая элита Великобритании и проблема пенсионного обеспечения: принятие Акта о пенсиях по старости 1908 г.

Проблема социального обеспечения в начале XX в. была актуальной для многих британских рабочих. Материальным обеспечением безработных, больных и престарелых в Великобритании занимались в очень ограниченных размерах только общества взаимопомощи, кассы добровольного страхования (*friendly societies, mutual benefit societies*) и профсоюзы. В формировании фондов